

УДК 343.81(571.17)
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-1-97-111

Трудовое использование заключенных в Южнокузбасском исправительно-трудовом лагере МВД СССР (1947–1950 годы)

Ю. В. Рябова

*Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева
Кемерово, Россия*

Аннотация

Рассматриваются вопросы трудового использования заключенных в конце 40-х гг. XX в. в Южнокузбасском исправительно-трудовом лагере МВД СССР, располагавшемся на юге Кемеровской области, на территории Горной Шории. На основе архивных документов показаны особенности организации трудовой деятельности заключенных, сферы их производственного применения, условия работы, методы стимулирования и поощрения. Выявлены трудности в реализации мероприятий, направленных на улучшение условий труда и жизни заключенных, трудовой мотивации. Сделан вывод, что предпринимаемые меры по организации производственного процесса и эффективной трудовой деятельности заключенных способствовали повышению производительности труда в ИТЛ в период с 1947 по 1950 г.

Ключевые слова

принудительный труд, Южнокузбасский ИТЛ, Кемеровская область, Горная Шория, заключенные

Для цитирования

Рябова Ю. В. Трудовое использование заключенных в Южнокузбасском исправительно-трудовом лагере МВД СССР (1947–1950 годы) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 1: История. С. 97–111. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-1-97-111

Prison Labor in the Southern Kuzbass Corrective Labor Camp of the USSR Ministry of Internal Affairs (1947–1950)

Yu. V. Ryabova

*T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University
Kemerovo, Russian Federation*

Abstract

The article considers the issues of use of prison labour in the “Southern Kuzbass Corrective Labor Camp of the USSR Ministry of Internal Affairs”. The chronological framework of the study is set between 1947 and 1950. The camp was located in the south of the Kemerovo region in the Gornaya Shoria district. The Southern Kuzbass Corrective Labor Camp was established according to the resolution no. 409 of the Council of Ministers from March 1, 1947. The main activity of the camp was logging. However the penal labor was used not only in the logging industry, but also in the timber processing, construction, and agricultural sectors. Based on archival documents, this article shows the features of the organization of labor activity of prisoners, working conditions, methods of stimulation and encouragement. The author explains challenges that were faced in the process of implementation of measures aimed to improve the working and living conditions of prisoners, their general physical condition and their work motivation. Among them there were difficulties in carrying out measures for labor protection, calculation of wages for prisoners, determination of their employment category, use of mechanized equipment in production activities, ensuring satisfactory sanitary and living conditions. Despite this, the analysis of indicators of labor productivity for individual logging phases in the camp demonstrates a positive trend.

© Ю. В. Рябова, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 1: История
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 1: History

Keywords

Kemerovo region, Gornaya Shoria district, prisoners, forced labor, logging

For citation

Ryabova Yu. V. Prison Labor in the Southern Kuzbass Corrective Labor Camp of the USSR Ministry of Internal Affairs (1947–1950). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 1: History, p. 97–111. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-1-97-111

Использование принудительного труда в экономике советского времени является одним из дискуссионных вопросов современной исторической науки. О положении так называемого спецконтингента и его трудовом использовании в советской экономике впервые заговорили только в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в., когда произошедшая политическая трансформация страны открыла исследователям доступ к ранее засекреченным архивам. В результате за последние несколько десятилетий введен в научный оборот целый комплекс источников, характеризующих советскую систему принудительного труда и ее генезис [Хлевнюк, 1992; Кустышев, 2003; Иванова, 2006; Соколов, 2008; Бердинских, Меньковский, 2017]. Сегодня в центре внимания находятся проблемы экономической целесообразности и эффективности принудительного труда в СССР, вопросы результативности принудительной и «свободной» систем экономики, карательной сущности принудительного труда и мн. др.

Раскрывая сущность лагерной экономики, историки придерживаются разных мнений. Дискуссионность сохраняется в соотношении экономических и политических мотивов в развитии лагерной системы. Г. М. Иванова считает, что в начале существования советской власти принудительный труд рассматривался больше как категория карательная, чем экономическая [2006]. О. В. Хлевнюк также не видит прямой связи между террором и экономическими потребностями страны [История сталинского ГУЛАГа..., 2004. Т. 3]. В противоположность мнению о карательном характере принудительного труда Д. Норландер констатирует приоритет экономических, а не политических потребностей [2008].

Еще один дискуссионный вопрос – эффективность хозяйственной системы, созданной ГУЛАГом. Большая часть отечественных историков [Хлевнюк, 1992; Иванова, 2006; Захарченко, 2014] отмечают его неэффективность и нерациональность. Некоторые же, напротив, демонстрируют высокие производственные показатели ГУЛАГа, которые достигались за счет жесткой организации и дешевизны принудительного труда [Смыкалин, 1997].

Большинство современных исследований основано на материалах региональных архивов Урала, Сибири и Дальнего Востока, отражающих местную и отраслевую специфику экономических отношений, построенных на использовании принудительного труда [Сулов, 2008; Красильников, 2009; Папков, 1997; Гвоздкова, 1997; Уйманов, 1995; Бикметов, 2009; Тепляков, 2008]. Многопрофильность гулаговской экономики отражена в ряде работ, посвященных отдельным лагерным комплексам [Шинкаренко, 2001; Гашенко, 2004; Хатылаев, 2006; Никифорова, 2008].

Сегодня актуальны исследования, изучающие функционирование лагерных лесозаготовительных комплексов, деятельность которых обеспечивала народное хозяйство СССР одним из самых востребованных сырьевых ресурсов – древесиной. В отечественной историографии имеется ряд работ, анализирующих деятельность некоторых лесных лагерей ГУЛАГа. Н. А. Морозов [1997] рассматривает организацию, структуру, условия содержания и труда заключенных в Локчимском и Усть-Вымском лагерях в Коми АССР. М. Ю. Наконечный¹ анализирует вопросы смертности в «новообразованных» лесных лагерях (Каргопольлаг, Тайшетлаг, Кулойлаг и др.) в 1937–1938 гг. В. А. Бердинских [2001] посвятил исследование формированию и деятельности Вятлага с 1930-х до 1960-х гг. С. А. Шевырин [2008] изучал использование принудительного труда в лесной отрасли на территории Пермской области

¹ Наконечный М. Ю. Смертность в лесных лагерях ГУЛАГа в 1937–1938 гг. в сравнительном мировом контексте. URL: https://www.academia.edu/9831449/Смертность_в_лесных_лагерях_ГУЛАГа_в_1937_1938_гг._в_сравнительном_мировом_контексте (дата обращения 14.06.2019).

(Усольлаг, Ныроблаг) в 1930–1950-е гг. Коллектив сибирских историков [Зиновьев, Дмитриенко и др., 1995], реконструируя историю Яйского лесозаготовительного предприятия в Кузбассе, касается функционирования на его базе Северокузбасслага.

В российской исторической науке продолжается исследовательская работа, направленная на раскрытие сущности советской лагерной экономики и принудительного труда. Изучение производственной деятельности и особенностей организации трудовой деятельности в одном из крупнейших лесозаготовительных исправительно-трудовых лагерей Кемеровской области – Южнокузбасском ИТЛ (Южкузбасслаге) позволяет определить вклад принудительного труда в создание индустриального потенциала Кемеровской области. Кузбасские исследователи Л. И. Гвоздкова и Р. С. Бикметов в своих научных изысканиях частично обращались к вопросам функционирования лагеря, детально не анализируя вопросы трудового использования контингента. Л. И. Гвоздкова [1997] уделила внимание структуре лагеря, жилищно-бытовым, кадровым и производственным вопросам, численности и составу заключенных в 1947–1956 гг. Р. С. Бикметов [2006; 2009] проанализировал особенности организации ИТЛ, его сельскохозяйственную и производственную деятельность, использование труда спецпереселенцев. Детальным изучением вопросов организации, функционирования и трудовой деятельности Южкузбасслага упомянутые авторы не занимались.

Научная новизна исследования состоит в изучении вопросов использования принудительного труда в лесной промышленности Кузбасса в конце 40-х г. XX в. и его влияния на развитие угольной отрасли. На примере детальной отдельно взятого объекта лагерной экономики – Южнокузбасского исправительно-трудового лагеря МВД СССР (одного из двух лесозаготовительных ИТЛ Кемеровской области) получено представление о производственном использовании заключенных, особенностях их трудовой и бытовой жизни.

Цель работы – исследование вопросов организации и реализации трудового использования заключенных на лесозаготовительных работах в Южкузбасслаге в период 1947–1950 гг., условий их производственной деятельности, методов стимулирования и поощрения контингента. По мнению автора, под трудовым использованием в условиях принудительного труда понимается деятельность зависимых работников в сфере материального производства. Хронологические рамки обусловлены: временем интенсивного шахтного строительства в Кузбассе, которое привело к росту спроса на лесоматериалы; организацией лагерного производства и структуры лагеря; сроком руководства первого начальника ИТЛ И. И. Долгих. В этот период происходит образование лагеря, формирование его производственной базы и жилищно-бытового сектора, внедряются методы и формы организации трудоиспользования заключенных.

Источниковой базой послужили архивные материалы из фондов ведомственного архива ГУФСИН по Кемеровской области. Доступные автору документы главным образом представлены бухгалтерско-финансовой, делопроизводственной и отчетной документацией, где сведения о трудовом использовании спецконтингента отражены весьма фрагментарно. Кроме того, документация, подвергшаяся анализу, подготовлена руководством лагеря, что не исключает возможность субъективности в подаче информации. Отсутствие альтернативных источников, характеризующих работу лесной промышленности Кузбасса, вынуждает автора использовать лагерную документацию. Также в работе использованы малочисленные неизданные воспоминания бывшего контингента Южкузбасслага из фондов музея-заповедника «Трехречье» Таштагольского муниципального района.

Намерение обеспечить активно развивающуюся в послевоенные годы угольную промышленность Кузбасса крепёжным лесом привело к трансформации состава рабочих. Привлеченные к лесозаготовительной деятельности, в существовавших трестах «Северокузбасслес» и «Южкузбасслес», вольнонаемные рабочие не закреплялись на рабочем месте как квалифицированные кадры. Тяжелый труд среди сибирской тайги, удаленность от цивилизации, отсутствие благоустроенной социальной инфраструктуры приводили к текучести кадров. Многочисленные оргнаборы и вербовка новых рабочих не приносили желаемого результата. Переход от вольнонаемного труда к принудительному в лесозаготовительной отрасли дол-

жен был решить как проблему дефицита рабочих кадров, так и нехватку лесоматериалов в угольной отрасли Кемеровской области. Использование труда заключенных в ИТЛ не требовало от государства создания особо благоприятных условий для проживания и производственной деятельности, гарантировало наличие рабочей силы, обеспечивало бесперебойную поставку лесоматериалов.

Деятельность Южкузбасслага началась 1 апреля 1947 г. Постановление Совета Министров СССР № 409 от 01.03.1947 г. и приказ МВД СССР № 00241 от 04. 03.1947 г. установили порядок создания на базе существующих лесозаготовительных трестов Кемеровской области исправительно-трудовых лагерей [История сталинского ГУЛАГа..., 2004. Т. 2. С. 314–316]. Территориально Южнокузбасский исправительно-трудовой лагерь МВД СССР разместился на юге Кемеровской области на территории Горной Шории. Местность для лесозаготовки представлена довольно трудными для эксплуатации природно-естественными условиями (горный рельеф, множество логов и высоких хребтов, густая сеть рек), что существенно осложняло проведение лесозаготовительных работ². Структура нового ИТЛ ничем не отличалась от других ИТЛ ГУЛАГа и представлена 10 отделами (отдел снабжения, планово-финансовый, производственный и др.) [Гвоздкова, 1997. С. 340]. Управление лагеря находилось в г. Сталинск Кемеровской области (ныне г. Новокузнецк). Численность заключенных Южкузбасслага в динамике представлена разными данными. Л. И. Гвоздкова, ссылаясь на материалы текущего архива УВД Кемеровской области и собственные подсчеты, приводит следующие цифры: в 1948 г. – 18 970 чел., 1949 г. – 18 810, 1950 г. – 22 403 чел. [Там же. С. 513]. С. Филиппов и С. Сигачев указывают несколько другую статистику: на 01.01.1948 – 13 877 чел., 01.01.1949 – 20 072, 01.01.1950 – 18 364, 01.01.1951 – 21 211 чел. [Система мест заключения в СССР, 1998].

Начальником лагеря назначен опытный сотрудник уголовно-исполнительной системы ГУЛАГа, полковник И. И. Долгих³, имевший практику руководства исправительно-трудовыми учреждениями, в том числе занимающимися лесозаготовками (Вятлаг, Ивдельлаг, Краслаг). В период его руководства (1947–1950 гг.) в ИТЛ решены главные организационные задачи. Заложенные в 1947–1948 гг. основы производственной деятельности позволили в 1949 г. перевыполнить план практически по всем видам основных работ. В конце 1950 г. произошла передача ИТЛ новому начальнику Г. М. Выползову.

Трансформация убыточного лесозаготовительного треста «Южкузбасслес» в разряд самокупаемого предприятия, основанного преимущественно на применении принудительного труда, требовала формирования кардинально иных принципов и подходов в построении рабочего процесса. Основные фазы лесозаготовительной деятельности (заготовка, подвозка, вывозка) и ее отдельные операции (технологические, транспортные и др.) нуждались в эффективном использовании технических средств и рабочей силы. Кроме того, установленные высокие плановые показатели по лесозаготовке, при существующей тенденции ежегодного их увеличения (1947 г. – 925 тыс. м³, 1948 г. – 1 275 тыс., 1949 г. – 1 300 тыс., 1950 г. – 1 345 тыс. м³)⁴, требовали немедленной продуктивной производственной деятельности, отвечающей государственным задачам.

Прежде всего, руководство ИТЛ перевело процесс лесозаготовки из сезонного в круглогодичный режим, что потребовало формирования дорожной сети, обеспечивающей транспортировку леса, доставку материальных и людских ресурсов. Для обеспечения своевременной погрузки и доставки заготовленных лесоматериалов проводилась рационализация всего лесозаготовительного цикла. Особое внимание уделялось упорядочиванию технологического процесса непосредственно на лесозаготовительном участке (подготовка зон оцепления, мест вырубki и т. д.). Изменения затронули и распределения трудовой деятельности внутри лесозаготовительной бригады. В 1948 г. на смену существующей комплексной бригаде пришла работа сквозными поточными звеньями, предусматривающая разделение трудовых опе-

² ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10. Л. 125.

³ С биографией этого руководителя ИТЛ можно ознакомиться в нашей публикации: [Рябова, 2017].

⁴ ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11. Л. 3.

раций внутри коллектива и дифференциацию труда в соответствии с физическим профилем заключенных.

Но труд заключенных в ИТЛ применялся не только в приоритетных отраслях – лесозаготовительной и лесоперерабатывающей, но и в строительной, сельскохозяйственной, коммунально-бытовой сферах. Самым большим недостатком являлась практика перемещения опытных рабочих из лесозаготовительных бригад на другие виды работ, что приводило к потере профессиональной квалификации и снижению производительности труда на лесозаготовке.

Но не только рациональная организация труда способствовала повышению производительности и выполнению плановых показателей. Результативность трудовой деятельности во многом зависела и от санитарно-бытовых условий, в которых содержались заключенные. Размещение в строящемся лагере прибывающего многотысячного контингента сопровождалось одновременным выполнением производственных заданий, решением организационных и бытовых задач. На основе леспромхозов бывшего треста «Южкузбасслес» возводились новые отдельные лагерные пункты, строились лагерные поселки. Для поступающего контингента не хватало барачных, одежды, обуви, питания, производственного инвентаря. Заключенные проживали в условиях скученности и антисанитарии. Заместитель начальника отдела капитального строительства Южкузбасслага Жаравин, объясняя причины неудовлетворительного и несвоевременного ввода жилых объектов в эксплуатацию, указывал на недостаточное количество рабочей силы, «гигантские» объемы строительства всех видов, слабую механизацию работ, а также недостаток квалифицированных кадров по обслуживанию механизмов [Принудительный труд..., 1994. Т. 2. С. 181–182].

Руководство ИТЛ регулярно предпринимало меры по улучшению жилищно-бытовых условий контингента, но на практике существующие проблемы по благоустройству решались очень медленно. Регулярные проверки подразделений лагеря выявляли множественные нарушения в области санитарного состояния жилых, коммунально-бытовых и медицинских помещений. Особенно часто в пищеблоках и столовых лагеря наблюдалась нехватка кухонной посуды, поварских халатов, колпаков, полотенец⁵. Лечебные пункты в ряде подразделений недостаточно обеспечивались постельным и нательным бельем, а в ночное время в них часто отсутствовало освещение. Бани и дезокамеры не всегда находились в рабочем состоянии, что приводило к несоблюдению гигиены и к некачественной обработке вещей⁶. Такая неблагоприятная санитарная и жилищно-бытовая обстановка в Южкузбасслаге неизбежно приводила к физическому ослаблению заключенных, что в значительной мере увеличивало заболеваемость, невыходы на работу и, как следствие, служило уменьшению физически здорового контингента, способного выполнять производственные задания.

Показательными об условиях труда на лесозаготовках являются воспоминания бывших осужденных. Федор Иванович Геберлейн, 1929 г. р., работающий лесорубом в Южкузбасслаге, рассказывал: «Жили в бараке. Он состоял из двух секций, снаружи была пристроена кухня. У каждого был котелок, им служила какая-нибудь жестяная банка... Кроватей не было. Мы спали на нарах. Они были не высокими, сложенными из досок. Спали по два человека на каждой кровати. Нары располагались вдоль двух стен. Посреди комнаты стояла печь, бывшая шахтерская вагонетка. Топил печку дневальный... Тяжело было с питанием, но свои 800 г хлеба я получал. Кроме хлеба была только капуста и картошка, зимой постоянно мерзлая. Больше ничего на кухне не было... Питались в столовой по карточкам. Карточки выдавались на 30 дней... Хлеб был хороший... Насчет спецодежды, то на зимнее время давали валенки, ватные штаны и фуфайку, шапку и рукавицы. На лето выдавались галоши, мы их называли чуни, брезентовый костюм и верхонки. А в летнее время, особенно в мае, когда идет сокодвижение, когда рубишь кедр, вся одежда пропитывается смолой. К концу месяца костюм становится словно железным, он почти не гнется. Ноги постоянно намокали, мест-

⁵ ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 22. Л. 5.

⁶ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12. Л. 5.

ность была болотистая, а чуни были невысокие. Дерево валили, нужно обрубить все сучья, они скидывались в кучу и сжигались. Если этого не сделать, то приемщик не примет работу. А зимой еще и снега выше головы. Дерево свалишь, а его не видно в снегу, одни сучья торчат. А норма жмет! Попробуй не выполни. Если норму не выполнишь, то сокращают тебе рацион хлеба... Работали с 7 утра и до 7 вечера. Раз в 10 дней была баня. Это строго соблюдалось. Работали под лозунгом: «Работать. Работать и еще раз работать! Не будешь работать, не будешь есть!»⁷. Приведенный фрагмент наглядно демонстрирует тяжелые условия проживания и работы спецконтингента, а главное, показывает мотивацию к труду, основанную на удовлетворении естественных биологических потребностей человека.

Первоначально, до июля 1949 г., в лагере использовалась общепринятая в 1935 г. система учета трудоспособности кадров, подразделяющая их на четыре группы. В группу «А» входили работники, годные к физическому труду на производстве. Группа «Б» состояла из заключенных, занятых на лагерном секторе и хозяйстве. Группа «В» включала в себя лиц, неработающих по болезни. В группу «Г» входили неработающие по прочим причинам (содержащиеся в штрафных изоляторах и карцерах, отказники и т. д.). Отдельно учитывался и забалансовый контингент – инвалиды и лица, нетрудоспособные по возрасту. Согласно данной системе производственную выгоду лагерю приносили лишь заключенные категории «А». Например, в 1947 и 1948 гг. фактическое трудовое использование заключенных в Юж-кузбасслаге группы «А» составило 67,2 и 70,3 % соответственно, а количество неработающих по болезни и прочим причинам (в совокупности) – 20,7 и 18,1 %⁸. Существующие показатели трудоспособности указывали на необходимость увеличения работоспособного контингента и численного сокращения групп «В» и «Г» за счет улучшения его физического состояния, материального обеспечения, применения методов трудового стимулирования.

В Южкузбасслаге с 25 июля 1949 г. в соответствии с Приказом МВД СССР № 0418 от 25.06.1949 «О мероприятиях по улучшению физического состояния и трудового использования заключенных, содержащихся в ИТЛ и ИТК МВД» произошел переход на новые категории трудоспособности. Первая – заключенные, годные к физическому труду. Вторая – физически неполноценные заключенные, годные к легким работам с применением скидки 15 % и к средним работам с применением скидки 30 %, а также на специальных видах работ без применения каких-либо скидок. Третья – инвалиды, имеющие тяжелые заболевания или увечья, не позволяющие им работать либо трудиться в пределах их остаточной трудоспособности⁹.

При этом особому контролю подлежало правильное медицинское освидетельствование заключенных и установление категорий труда в соответствии с их действительным физическим состоянием, трудовое использование согласно присвоенной группе. Устанавливалась личная ответственность начальников лагерных подразделений, персонала лагерного и производственного сектора за физическое состояние контингента¹⁰. По данным комиссования в ноябре 1950 г. в Южкузбасслаге численность заключенных 1-й категории составила 76,61 %, 2-й категории – 18,47, 3-й категории – 4,16 %¹¹.

Новая система учета трудоспособности контингента значительно сократила общее количество групп и, по сути, исключила категорию временно неработающих по болезни и прочим причинам, введя новую категорию «инвалид». В зависимости от физических возможностей человека определялись уровень сложности работ, на которые он назначался, и нормы выработки, при этом сфера его деятельности более не указывалась. Тем самым приоритет принадлежал производственной сфере, за счет сокращения использования заключенных на второстепенных и вспомогательных работах. Это связано с государственной политикой, направленной на повышение производительности труда, на улучшение общего физического

⁷ Материал из фондов музея-заповедника «Трехречье» Таштагольского муниципального района.

⁸ ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10. Л. 137.; Ф. 14. Оп. 1. Д. 12. Л. 16.

⁹ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 19. Л. 294–295.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 18. Л. 32.

состояния контингента, максимальное исключение нетрудоспособных лиц, не участвовавших в производственном процессе. Для этого особое внимание уделялось созданию условий для оздоровления заключенных, лечебно-профилактической работе, соблюдению условий труда и технике безопасности, обеспечению питанием и вещевым довольствием.

В целом санитарную службу Южкузбасслага по количеству лечебных учреждений можно считать обеспеченной. Отсутствовали стационары только в Абашевском и Майзасском отдельных лагерных пунктах (ОЛПах), а в Кумзасском ОЛПе они находились в непригодных для этого помещениях¹². Но в ИТЛ ощущалась значительная нехватка медицинских кадров, медикаментов и оборудования. В 1950 г. не хватало 38 врачей, 57 фельдшеров, 7 фармацевтов, а 30 % начальников санитарных частей ОЛПов не соответствовали занимаемым должностям. Из необходимых медицинских средств в наличии имелся лишь перевязочный материал¹³.

В связи с введением новой системы трудоспособности контингента в лагере произведено переукомплектование производственных лесозаготовительных бригад с учетом использования «полноценной рабочей силы с неполноценной» (1, 2 и 3-й категорий). На отсечение, сбор, сжигание сучьев ставили лиц 3-й категории трудоспособности, а на валку и раскряжевку древесины – 1-й и 2-й категорий¹⁴. При этом перевод из одной бригады в другую без личного разрешения начальника ОЛПа и его заместителя по производству запрещался, что способствовало предотвращению бесконтрольной текучести работающего состава и установлению стабильного трудового коллектива, подобранного в соответствии с учетом физического состояния, производственных условий, постатейных и режимных требований.

Кроме того, вовлечение в Южкузбасслаге в производственный процесс физически ослабленного контингента, непригодного к лесозаготовке, началось еще в 1947 г. Для них на Абагурском и Шушталепском лесокомбинатах были организованы столярные мастерские, которые занимались переработкой отходов лесопиления и производством ширпотреба (тарной дощечки, штакетника и т. д.). Первоначально утвержденного государственного плана на данный вид деятельности у лагеря не существовало, но наличие свободных площадей, материалов, людских ресурсов, потребность в деревянных изделиях способствовали его организации. Это обеспечивало лагерю трудозанятость, применение отходов лесного хозяйства, дополнительный финансовый доход и своевременное получение денежных средств. Но качество изготавливаемой продукции не всегда являлось высоким, что влекло за собой претензии со стороны покупателей. С 1 марта 1949 г. для организации труда инвалидов и лиц с пониженной трудоспособностью введена должность «инспектор по трудоустройству ослабленного контингента», что должно было предотвратить случаи намеренного занижения физического профиля и использования их на тяжелых работах.

Формированию профессиональной подготовки поступивших кадров в лагере уделялось особое внимание. Прибывающие контингенты не имели навыков в лесозаготовительном деле, и приобретать необходимые производственные знания им приходилось на рабочем месте. Для обучения лесозаготовительным профессиям к звеньям новых заключенных прикреплялись опытные специалисты, которые так называемым бригадно-индивидуальным способом передавали профессиональные компетенции. Кроме того, подготовка кадрового состава проходила в форме краткосрочных курсов по разным профессиям (мастер, брокер лесопиления и т. д.). Также обмен профессиональным опытом проходил посредством организации стахановских школ, участие в которых преследовало цель сокращения числа заключенных, не выполняющих нормы выработки.

В целях повышения производительности труда и устранения трудоемких трудовых операций в Южкузбасслаге начиная с 1950 г. активно внедрялось в производство механизированное оборудование. Первоначально лагерь даже не был обеспечен специальным (лучковые и двуручные пилы, топоры) и вспомогательным (клинья, лопаты) инструментом. В среднем

¹² ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 18. Л. 33.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 19. Л. 120.

на 10 чел. приходилось всего два-три топора¹⁵. Поступление в распоряжение ИТЛ передвижных электростанций, электропил, газогенераторных двигателей и прочей техники должно было способствовать облегчению многих трудовых операций и переходу от ручного труда к механизированному. Но на деле эксплуатация поступающих механизмов сопровождалась «антигосударственными» и «антимеханизаторскими» настроениями¹⁶. В документах часто встречается информация о пренебрежительном отношении к новой технике со стороны руководящего состава (начальников ОЛПов, заместителей по производству), который нарушал принципы эксплуатации оборудования, что приводило к неправильному его использованию или простоям. Кроме того, непосредственно на рабочих местах допускался «выход из строя мехоборудования по причине варварского способа его эксплуатации», при этом персональная ответственность лиц, виновных в его порче, отсутствовала¹⁷. К примеру, Чугунашский ОЛП в октябре 1950 г. получил 10 электропил ЦПИИМЭ К-5. За период с октября 1950 по март 1951 г. ОЛП ни разу не выполнил план по механизированной заготовке. В ходе проведенной проверки обнаружено, что только 3 из 10 полученных электропил находятся в исправном состоянии. Налицо формализм и игнорирование механизации производства со стороны административного и технического руководства на местах.

При этом руководство ИТЛ стремилось поощрять рационализаторскую инициативу, позволяющую облегчить труд и повысить производительность. Ценные рационализаторские предложения внедрялись в производственный процесс, а их авторы получали денежное вознаграждение. Например, механик Чугунашского ОЛПа заключенный Гришко получил премию в 100 руб. за инициативу применения деревянных березовых вкладышей на лесовозных вагонетках в момент отсутствия шарикоподшипников, что позволило вагонетки использовать на 100 %¹⁸.

Наряду со стремлением повысить производительность труда разными способами руководство Южкзбаслага уделяло внимание вопросам предупреждения производственного травматизма и техники безопасности заключенных, задействованных на лесных работах. Нарушение элементарных правил на лесном участке (соблюдение безопасной дистанции между вальщиками и другими рабочими; выполнение работ в неподготовленных местах и т. д.) вело к получению травм и увечий. Меры, предпринимаемые руководством лагеря, предусматривали привлечение к административной и судебной ответственности лиц, допустивших работы с нарушением правил техники безопасности. Но на практике мероприятия по охране труда осуществлялись очень плохо, и вместо снижения случаев производственного травматизма наблюдался их рост. В январе 1950 г. по сравнению с декабрем 1949 г. количество травм увеличилось в полтора раза¹⁹. «Травматизм на наших предприятиях принял характер бедствия... Расследованию несчастных случаев не уделяется должного внимания, и в большинстве случаев обвиняется сам пострадавший», – отмечал начальник Южкзбаслага И. И. Долгих²⁰.

Руководство ИТЛ стремилось разными методами стимулировать трудовую активность заключенных. Осужденный должен был не только выполнять производственные задания, но и окупать свое пребывание в ИТЛ. В отличие от вольнонаемных граждан труд заключенных сопровождался незаинтересованностью в результатах, в попытках уклониться от выполнения заданий. Начальник Южкзбаслага полковник И. И. Долгих считал, что «нужно создавать такую обстановку на производстве и в лагере, при которой заключенные поняли бы, что они обязаны работать, и полностью исключить всякие условия, когда заключенные, пользуясь плохими порядками в лагере и на производстве, живут за счет государства»²¹.

¹⁵ ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10. Л. 139.

¹⁶ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 97.

¹⁷ Там же. Д. 31. Л. 132.

¹⁸ Там же. Д. 30. Л. 272.

¹⁹ Там же. Л. 186.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Д. 19. Л. 121.

Для повышения производительности труда заключенных руководством Южкузбасслага применялись методы стимулирования и поощрения. «Так, с 10 июля 1947 г. был организован штаб трудового соревнования. Для хорошо работающих заключенных с 1 августа 1947 г. на территории лагеря вводилась “книжка заключенного – отличника производства”. Для заключенных-ударников производства, перевыполняющих производственные нормы и примерно ведущих себя в быту, вводилась система поощрений – зачет рабочих дней. Ежемесячно высокие результаты работы стали вноситься также и в личные дела заключенных. Если ударники производства постоянно перевыполняли задания свыше 100 %, 150 %, 200 % и выше, один рабочий день зачитывался им как 1,25 дня, 1,5 дня и 2 дня соответственно» [Бикметов, 2006. С. 251].

Для успешного развертывания трудового соревнования в ИТЛ стремились создать специальные условия, обеспечивающие высокопроизводительную работу бригад и звеньев. В частности, своевременно обеспечить материалом и исправным инструментом, квалифицированным техническим персоналом, фронтом работ²². По его результатам лагерным пунктам присваивались звания «Лучшее исправительно-трудовое подразделение», передовым производственным подразделениям – «Цех отличного качества» (смена, бригада и т. д.), передовикам производства – звания «Лучший мастер» (лесоруб, бригадир и т. д.), «Отличник производства» с выдачей книжки передовика²³.

Проводилась также систематическая работа с отказниками и симулянтами, не желавшими выполнять производственные задания и нарушавшими лагерную дисциплину. Оказывая давление на медработников из числа заключенных, «отрицательные элементы» необоснованно получали освобождение от работы или зачисление в низкую категорию трудоспособности²⁴.

Помимо предоставления морального поощрения заключенным, перевыполняющим нормы выработки на тяжелых работах, полагалась выдача дополнительного питания. Заключенные, выполняющие работы, отнесенные к 1-й категории трудоемкости, в случае их перевыполнения на 100–120, 121–150, 150 % и выше получали один, два, три допайка соответственно. Заключенные, занятые на работах, отнесенных ко 2-й и 3-й категориям, и перевыполняющие нормы на 100–150, 151–175, 175 % и выше, получали один, два, три допайка соответственно. Начисление пайков производилось на основании сведений табеля-наряда за прошедший рабочий день. При этом начальнику подразделения предоставлялось право за плохое качество работы частично или полностью отменить его начисление²⁵.

Еще одним из методов трудовой мотивации заключенных явилось введение заработной платы. Согласно постановлению Совета Министров СССР № 1065-376сс от 13.03.1950 в ИТЛ и колониях МВД СССР (за исключением особых лагерей) был произведен переход на выплату заработной платы [История сталинского ГУЛАГа..., 2004. Т. 3. С. 304]. Оплата труда заключенным рассматривалась как ключевая мера, способствующая повышению производительности труда и рентабельности лагерных подразделений. Переход на заработную плату в Южкузбасслаге произошел с 1 августа 1950 г.²⁶ Предполагалось, что эта мера позволит существенно улучшить производительность труда, повлияет на укрепление дисциплины, станет стимулом к формированию заинтересованности в результатах трудовой деятельности.

На деле руководители подразделений не расценили значимость такого мероприятия и не проявили оперативности в организации труда с учетом новых требований. Переход в ряде подразделений лагеря осуществлялся формально: расчеты производились с опозданием, заключенные не знали размер своего заработка за день, работа торговых точек, где можно бы-

²² ТА ГУФСИН КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 4. Л. 151.

²³ Там же. Д. 58. Л. 196.

²⁴ Там же. Д. 19. Л. 121.

²⁵ Там же. Д. 14. Л. 178–179.

²⁶ Там же. Д. 37. Л. 5.

ло приобрести товары, не была организована²⁷. В некоторых подразделениях допускались обезличивание и уравниловка в начислении зарплаты, отсутствовал контроль за справедливым распределением заработка между членами бригады в соответствии с выполненным фактическим объемом работ каждым ее членом²⁸.

Для того чтобы превратить систему оплаты труда в эффективное средство, стимулирующее повышение производительности труда, проводилась агитационно-просветительская работа по вопросам выполнения и перевыполнения норм выработки, создавались более благоприятные бытовые условия для передовиков производства. В столовых для них организовывалось разнообразное дополнительное платное питание. В торговых ларьках правом покупки пользовались только заключенные, выполняющие производственные нормы. Но по итогам 1950 г. произошел недорасход фонда по заработной плате заключенным в размере 21 млн руб. Анализ показал, что экономия в размере 5 975, 4 тыс. руб. приходится за счет невыхода на производство 1 100 чел., а другая часть – за счет низкой фактической зарплаты (4 900 руб. при плане 6 300 руб.)²⁹.

Причинами такой ситуации явились следующие факторы. Первый – невыполнение плановой производительности труда на лесозаготовке. В 1950 г. он составил 91 % от планового показателя, что привело к существенному сокращению сезонных премий. Необходимо отметить, что в плане размер сезонных премий и надбавок для заключенных вводился такой же, как и для вольнонаемных рабочих. Второй фактор – большая текучесть контингента. В 1950 г. текучесть рабочего фонда составила 70 %. Массовые переброски людей с одного вида работ на другие (сельское хозяйство, строительство и т. д.) также приводили к снижению заработка заключенных за счет невозможности начисления сезонных премий³⁰.

Практика реализации мероприятий, направленных на результативное использование труда заключенных и улучшение производительности труда в Южжубаслаг в конце 1940-х гг., выявила существенные недоработки со стороны руководящего состава на местах, негативно влияющие на лесозаготовительный и лесоперерабатывающий процесс, и на всю работу лагеря в целом. Неоднократно в документации ИТЛ указывается на безответственное отношение со стороны начальников лагерных подразделений, их заместителей и работников производственного сектора к организации трудового процесса, к его рационализации и результативности. Также в силу большой площади лагеря и удаленности ОЛПов от управления лагеря, выполнение распоряжений и контроль за их исполнением переходили к начальникам подразделений, которые не всегда добросовестно относились к своим обязанностям. При этом административный и производственный состав часто обладал низкой профессиональной квалификацией и незнанием специфики лесозаготовительной деятельности. В результате в ряде ОЛПов имелись случаи безразличия к результатам производственной деятельности, пренебрежительного отношения к созданию нормальной трудовой и жилищно-бытовой обстановки, нарушения дисциплины и режима, грубого отношения надзирательного состава, фальсификации трудового профиля заключенных, неправильного распределения стимулирующего питания и заработной платы и т. д.

Начальник управления Южжубаслага Г. М. Выползов в декабре 1950 г. среди причин неудовлетворительной работы лагеря назвал «отсутствие чувства ответственности у начальников подразделений, их заместителей по производству и по лагерю, так же у начальников лагпунктов за выполнение государственного плана заготовки и вывозки леса. В результате нет мобилизации коллективов на выполнение производственной программы, на максимальное использование имеющихся ресурсов. Вместо дружной работы коллективов процветает беспечность»³¹. Кроме этого, Выползов отметил и недостаточную организацию технологического процесса на лесозаготовительном участке: нарушение поточно-сквозного метода ра-

²⁷ ТА ГУФСИН КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 37. Л. 5.

²⁸ Там же. Д. 43. Л. 241.

²⁹ Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 16. Л. 19.

³⁰ Там же. Л. 11.

³¹ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 34. Л. 231.

боты, недостаточное предоставление имеющихся людских и материальных ресурсов на лесозаготовках, неудовлетворительное состояние инструмента и недостаточное использование электропил и передвижных электростанций, плохое состояние лесовозных дорог³².

Главной экономической категорией, характеризующей эффективность использования трудовых кадров, является производительность труда. Именно она отражает результативность конкретной трудовой деятельности, показывает соотношение временных затрат на производство единицы продукции. Изучение отчетной документации лагеря позволило систематизировать показатели производительности труда заключенных по отдельным фазам лесозаготовки и ее результаты представить в таблице.

Производительность труда по отдельным фазам лесозаготовки
по всему комплексу в Южнокузбасском исправительно-трудовом
лагере МВД СССР в 1947–1950 гг., %^{*}

Labour productivity by individual phases of logging
throughout the set in Southern Kuzbass corrective labour camp
of the USSR Ministry of Internal Affairs (1947–1950), %

Фаза лесозаготовки	Год			
	1947	1948	1949	1950 (за 10 мес.)
Заготовка	70,02	87,5	87,5	83
Подвозка	143,6	119	104,5	100
Вывозка	113,1	89,5	95	87
Сплав	159,1	99,9	104	98
Выкатка	105	107	105	128
Разделка	90	107,6	104,3	104

^{*} Рассчитано по: Годовые отчеты за 1947–1950 гг. ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9, 10, 12, 13.

Приведенная статистика, даже если допустить возможность ее завышения, в целом отражает положительную динамику выполнения плана по производительности труда в ИТЛ в рассматриваемый период. На большинстве лесных работ (подвозка, сплав, выкатка) план по производительности труда выполнялся и даже перевыполнялся. Исключением стала заготовка древесины, где производительность труда имела наиболее низкие показатели, но и здесь наблюдалась устойчивая динамика роста. Увеличение производительности труда свидетельствует о повышении экономической эффективности деятельности ИТЛ.

Таким образом, трудовое использование заключенных в Южнокузбасском исправительно-трудовом лагере МВД СССР в течение 1947–1950 гг. направлено на выполнение плановых показателей по лесозаготовке и обеспечению потребностей угольной отрасли Кузбасса в древесине. Руководство ИТЛ активно предпринимало меры по организации производственного процесса и результативной трудовой деятельности заключенных, при этом мало уделяя внимания созданию нормальных жилищно-бытовых условий. Для повышения производительности труда применялись методы стимулирования, морального и материального поощрения. При этом в лагере преобладал ручной труд, а внедрение средств механизации производства проходило медленно и вызывало негативное отношение. Организация и реализация трудовой деятельности заключенных характеризовалась самоустранением многих руководителей лагерных подразделений от решения производственных задач, низкой квалификацией руководства производственного сектора, отсутствием постоянного контроля со стороны руководства лагеря. Несмотря на это, анализ такой главной экономической кате-

³² ТА ГУФСИН КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 34. Л. 231–233.

гории, как производительность труда демонстрирует положительную тенденцию, что свидетельствует о целесообразности предпринимаемых мероприятий для достижения государственных задач, поставленных перед ИТЛ.

Список литературы

- Бердинских В. А.** История одного лагеря (Вятлаг). М.: Аграф, 2001. 463 с.
- Бердинских В. А., Меньковский В. И.** ГУЛАГ: идеология и экономика подневольного труда в XX веке. Сыктывкар: ИЯЛИ, 2017. 132 с.
- Бикметов Р. С.** Использование спецконтингента в экономике Кузбасса (1929–1956 гг.). Кемерово: Изд-во ГУ КузГТУ, 2009. 430 с.
- Бикметов Р. С.** Производственная деятельность Южнокузбасского исправительно-трудового лагеря МВД СССР в 1947–1952 гг. // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России: Материалы IV Всерос. науч. чтений. Кемерово, 2006. С. 248–253.
- Гашенко В. А.** Организация и использование труда заключенных Сиблага в годы Великой Отечественной войны (на примере Кривошековского лаготделения Сиблага) // Государство и личность в истории России: Материалы Регион. науч. конф. (Новосибирск, 22 мая 2004 г.). Новосибирск, 2004. С. 117–128.
- Гвоздкова Л. И.** История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 516 с.
- Захарченко А. В.** Трудовые ресурсы ГУЛАГа на «великих стройках коммунизма» 1948–1953 гг.: мобилизационные возможности системы или тупик лагерной экономики? // Исторический журнал: научные исследования. 2014. № 5. С. 555–568.
- Зиновьев В. П., Дмитриенко Н. М., Коновалов П. С.** Яйский лесопромышленный (история акционерного общества «Ялес»). Томск: Изд-во ТГУ, 1995. 311 с.
- Иванова Г. М.** История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Наука, 2006. 438 с.
- Красильников С. А.** Серп и молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2009. 344 с.
- Кустышев А. Н.** Европейский Север России в репрессивной политике XX века. Ухта: УГТУ, 2003. 127 с.
- Морозов Н. А.** ГУЛАГ в Коми крае 1929–1956. Сыктывкар, 1997. 190 с.
- Никифорова Е. В.** Сельское хозяйство Сиблага в годы войны // 65-летие Сталинградской битвы и Кемеровской области: Сб. науч. тр. Кемерово, 2008. С. 124–127.
- Норландер Д.** Магадан и становление экономики Дальстроя в 1930-е гг. // ГУЛАГ: экономика принудительного труда. М., 2008. С. 239–254.
- Папков С. А.** Сталинский террор в Сибири (1928–1941). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. 273 с.
- Рябова Ю. В. И. И. Долгих** – первый руководитель Южнокузбасского ИТЛ МВД СССР // Вестник ТГУ. Филология. История. Право. 2017. № 418. С. 143–147.
- «Система мест заключения в СССР. Справочник / Сост. М. Б. Смирнов. М.: Звенья, 1998.
- Смыкалин А. С.** Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург: УрГЮА, 1997. 364 с.
- Соколов А. К.** Принуждение к труду в советской экономике: 1930-е – середина 1950-х гг. // ГУЛАГ: экономика принудительного труда. М., 2008. С. 17–66.
- Суслов А. Б.** Принудительный труд на Урале (конец 1920-х – начало 1950-х гг.): эффективность и производительность // ГУЛАГ: экономика принудительного труда. М., 2008. С. 255–278.
- Тепляков А. Н.** Машина террора: ОГПУ – НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М.: Новый Хронограф, 2008. 608 с.
- Уйманов В. Н.** Репрессии. Как это было... (Западная Сибирь в конце 20-х – начале 50-х годов). Томск: Изд-во ТГУ, 1995. 336 с.

- Хатылаев М. М.** Дальстрой НКВД (МВД) СССР в промышленном освоении Северо-востока Якутии. Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 2006. 80 с.
- Хлевнюк О. В.** Принудительный труд в экономике СССР. 1929–1941 гг. // Свободная мысль. 1992. № 13. С. 73–84.
- Шевырин С. А.** Принудительный труд в лагерях и колониях на территории современного Пермского края, конец 1920-х – середина 1950-х гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2008. 254 с.
- Шинкаренко Г. В.** Организация сельскохозяйственного производства в Сибирском исправительно-трудовом лагере (1930–1940-е годы) // Актуальные проблемы аграрной истории Кузбасса XVIII–XX веков: Материалы круглого стола «Крестьянство Кузбасса: трудные дороги выживания» (3 ноября 2000 г.). Кемерово, 2001. С. 73–76.

Список источников

- История сталинского ГУЛАГа: конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собр. док.: В 7 т. М.: РОССПЭН, 2004. Т. 2: Карательная система: структура и кадры. 696 с.; Т. 3: Экономика ГУЛАГа. 624 с.
- Принудительный труд. Исправительно-трудовые лагеря в Кузбассе (30–50-е гг.) / Под ред. Л. И. Гвоздковой. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. Т. 2. 248 с.

References

- Berdinskikh V. A.** Istoriya odnogo lagerya (Vyatlag) [History of One Camp (Vyatlag)]. Moscow, Agraf Publ., 2001, 463 p. (in Russ.)
- Berdinskikh V. A., Menkovsky V. I.** GULAG: ideologiya i ekonomika podnevol'nogo truda v XX veke [The Gulag: Ideology and Economy of Forced Labor in the 20th Century]. Syktyvkar, IYaLI Publ., 2017, 132 p. (in Russ.)
- Bikmetov R. S.** Ispol'zovanie spetskontingenta v ekonomike Kuzbassa (1929–1956 gg.) [The Use of Convicts in the Economy of Kuzbass (1929–1956)]. Kemerovo, GU KuzGTU Publ., 2009, 430 p. (in Russ.)
- Bikmetov R. S.** Proizvodstvennaya deyatelnost' Yuzhnokuzbasskogo ispravitel'no-trudovogo lagerya MVD SSSR v 1947–1952 gg. [Production Activity of the Southern Kuzbass Corrective Labor Camp of the USSR Ministry of Internal Affairs in 1947–1952]. In: Intellektual'nyi i industrial'nyi potentsial regionov Rossii [Intellectual and Industrial Potential of Russian regions]. Proc. of the IV All-Russian Scientific Readings. Kemerovo, 2006, p. 248–253. (in Russ.)
- Gashenko V. A.** Organizatsiya i ispol'zovanie truda zaklyuchennykh Siblaga v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (na primere Krivoshchekovskogo lagotdeleniya Siblaga) [Organization and Use of Prison Labor of Siblaga during the Great Patriotic war (on the Example of Krivoshchekovsky Camp Branch of Siberian Camp)]. In: Gosudarstvo i lichnost' v istorii Rossii [State and Personality in the History of Russia]. Materials of the Regional Scientific Conference (Novosibirsk, May 22, 2004). Novosibirsk, 2004, p. 117–128. (in Russ.)
- Gvozdikova L. I.** Istoriya repressii i stalinskikh lagerei v Kuzbasse [History of Repressions and Stalin's Camps in Kuzbass]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 1997, 516 p. (in Russ.)
- Khatyлаev M. M.** Dal'stroi NKVD (MVD) SSSR v promyshlennom osvoenii Severo-vostoka Yakutii ["Dalstroy" of USSR People's Commissariat for Internal Affairs (MIA) in Industrial Development of North-Eastern Yakutia]. Yakutsk, Izdatel'stvo Yakutskogo universiteta, 2006, 80 p. (in Russ.)
- Khlevnyuk O. V.** Prinuditel'nyi trud v ekonomike SSSR. 1929–1941 gg. [Forced Labor in the Economy of the USSR. 1929–1941]. *Svobodnaya mysl'* [Free Thought], 1992, no. 13, p. 73–84. (in Russ.)

- Ivanova G. M.** Istoriya GULAGa, 1918–1958: sotsial’no-ekonomicheskii i politiko-pravovoi aspekty [The History of the Gulag, 1918–1958: Socio-Economic and Political-Legal Aspects]. Moscow, Nauka, 2006, 438 p. (in Russ.)
- Krasilnikov S. A.** Serp i molokh. Krest’yanskaya ssylka v Zapadnoi Sibiri v 1930-e gody [Sickle and Moloch. Peasant Exile in Western Siberia in the 1930s.]. Moscow, ROSSPEN, 2009, 344 p. (in Russ.)
- Kustyshev A. N.** Evropeiskii Sever Rossii v repressivnoi politike XX veka [The European North of Russia in the Repressive Policy of the 20th Century]. Ukhta, UGTU Publ., 2003, 127 p. (in Russ.)
- Morozov N. A.** GULAG v Komi krae 1929–1956 [GULAG in the Komi Region 1929–1956]. Syktyvkar, 1997, 190 p. (in Russ.)
- Nikiforova E. V.** Sel’skoe khozyaistvo Siblaga v gody voiny [Siberian Camp’s Agriculture during the War]. In: 65-letie Stalingradskoi bitvy i Kemerovskoi oblasti [65th Anniversary of the Battle of Stalingrad and the Kemerovo Region]. Collection of Scientific Works. Kemerovo, 2008, p. 124–127. (in Russ.)
- Norlander D.** Magadan i stanovlenie ekonomiki Dal’stroya v 1930-e gg. [Magadan and the Formation of the Dalstroy Economy in the 1930s]. In: GULAG: ekonomika prinuditel’nogo truda [GULAG: the Economy of Forced Labor]. Moscow, 2008, p. 239–254. (in Russ.)
- Papkov S. A.** Stalinskii terror v Sibiri (1928–1941) [The Stalinist Terror in Siberia (1928–1941)]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 1997, 273 p. (in Russ.)
- Ryabova Yu. V.** I. I. Dolgikh – pervyi rukovoditel’ Yuzhnokuzbasskogo ITL MVD SSSR [I. I. Dolgikh – the First Manager of Southern Kuzbass CLC MIA USSR]. *Bulletin of Tomsk State University. Philology. History. Law*, 2017, no. 418, p. 143–147. (in Russ.)
- Shevyrin S. A.** Prinuditel’nyi trud v lageryakh i koloniyakh na territorii sovremennogo Permskogo kraja, konets 1920-kh – seredina 1950-kh gg. [Forced Labor in Camps and Colonies in the Territory of Modern Perm Region, late 1920s – mid-1950s]. Thesis Cand. Hist. Sci. Izhevsk, 2008, 254 p. (in Russ.)
- Shinkarenko G. V.** Organizatsiya sel’skokhozyaistvennogo proizvodstva v Sibirskom ispravitel’no-trudovom lagere (1930–1940-e gody) [Organization of Agricultural Production in the Siberian Correctional Labor Camp (1930–1940s)]. In: Aktual’nye problemy agrarnoi istorii Kuzbassa XVIII–XX vekov [Actual Problems of the Kuzbass Agrarian History in the 18th – 20th Centuries]. Proceedings of the Round Table “The Kuzbass Peasantry: Difficult Survival Roads” (November 3, 2000). Kemerovo, 2001, p. 73–76. (in Russ.)
- Sistema mest zaklyucheniya v SSSR. Spravochnik [The System of Places of Detention in the USSR. Guide]. Moscow, Zven’ya Publ., 1998. (in Russ.)
- Smykalin A. S.** Kolonii i tyur’mi v Sovetskoj Rossii [Colonies and Prisons in Soviet Russia]. Ekaterinburg, UrGYUA Publ., 1997, 364 p. (in Russ.)
- Sokolov A. K.** Prinuzhdenie k trudu v sovetskoj ekonomike: 1930-e – seredina 1950-kh gg. [Forced Labor in the Soviet Economy: 1930s – mid-1950s]. In: GULAG: Ekonomika prinuditel’nogo truda [GULAG: The Economics of Forced Labor]. Moscow, 2008, p. 17–66. (in Russ.)
- Suslov A. B.** Prinuditel’nyi trud na Urale (konets 1920-kh – nachalo 1950-kh gg.): effektivnost’ i proizvoditel’nost’ [Forced Labor in the Ural (Late 1920s – Early 1950s): Efficiency and Productivity]. In: GULAG: Ekonomika prinuditel’nogo truda [GULAG: The Economics of Forced Labor]. Moscow, 2008, p. 255–278. (in Russ.)
- Tepljakov A. N.** Mashina terrora: OGPU – NKVD Sibiri v 1929–1941 gg. [Machine of Terror: Joint State Political Directorate – People’s Commissariat for Internal Affairs of Siberia in 1929–1941]. Moscow, Novyi Khronograf Publ., 2008, 608 p. (in Russ.)
- Uimanov V. N.** Repressii. Kak eto bylo... (Zapadnaya Sibir’ v kontse 20-kh – nachale 50-kh godov) [Repressions. How was it... (Western Siberia in the late 20s – early 50s)]. Tomsk, TSU Publ., 1995, 336 p. (in Russ.)
- Zakharchenko A. V.** Trudovye resursy GULAGa na “velikikh stroikakh kommunizma” 1948–1953 gg.: mobilizatsionnye vozmozhnosti sistemy ili tupik lagernoj ekonomiki? [Labor Re-

sources of the Gulag at the “Great Construction Projects of Communism” 1948–1953: The Mobilization Capabilities of the System or the Impasse of the Camp Economy?]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya* [Historical Journal: Scientific Researches], 2014, no. 5, p. 555–568. (in Russ.)

Zinovyev V. P., Dmitrienko N. M., Konovalov P. S. Yaiskii lesopromyshlennyi (Istoriya aktsionernogo obshchestva “Yayales”) [Yaysky Timber Enterprise (History of Joint-Stock Company “Yayales”]. Tomsk, TSU Publ., 1995, 311 p. (in Russ.)

List of Sources

Istoriya stalinskogo GULAGa: konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov [The History of Stalin’s Gulag: the End of 1920s – the First Half of 1950s]. Collection of Documents. In 7 vols. Moscow, ROSSPEN, 2004, vol. 2: Karatel’naya sistema: struktura i kadry [Punitive System: Structure and Personnel], 696 p.; vol. 3: Ekonomika GULAGa [The Economy of the Gulag], 624 p. (in Russ.)

Prinuditel’nyi trud. Ispravitel’no-trudovye lagerya v Kuzbasse (30–50-e gg.) [Forced Labour. Labour Camps in Kuzbass (30–50s.)]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 1994, vol. 2, 248 p. (in Russ.)

Материал поступил в редакцию
Received
02.07.2019

Сведения об авторе

Рябова Юлия Владимировна, соискатель кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева (ул. Весенняя, 28, Кемерово, 650000, Россия)
ruv.kemcdo@mail.ru

Information about the Author

Yuliya V. Ryabova, Applicant, Department of History, Philosophy and Social Sciences, T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (28 Vesenniyaya Str., Kemerovo, 650000, Russian Federation)
ruv.kemcdo@mail.ru